

Научная статья
УДК 94(47).084.9
doi: 10.17223/19988613/78/12

Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов

Александр Александрович Фокин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, a.a.fokin@utmn.ru

Аннотация. Рассматривается Урал в годы первых пятилеток. Отмечается, что Урал как индустриальный центр страны переживает свое второе рождение: перестраиваются старые промышленные центры и создаются совершенно новые. Важным аспектом этого процесса становится не только преобразование физического пространства уральских городов: строительство гигантских предприятий, возведение соцгородов, формирование новой инфраструктуры и т.д., но и изобретение новой мифологии. В 1930-е гг. уральские города превращаются в маяки и форпосты социализма, призванные задать всей стране новые стандарты как производства, так и социальных отношений.

Ключевые слова: Урал, города, индустриализация, сталинизм, пространства

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Фокин А.А. Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 92–96. doi: 10.17223/19988613/78/12

Original article

Outposts of socialism: the cultural landscape of Ural towns

Aleksandr A. Fokin

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, a.a.fokin@utmn.ru

Abstract. In the 1930s the towns of the Urals change dramatically. They were transformed from examples of provincial backwardness into outposts of socialism, which were to become a model for the rest of the country. The construction of such giant enterprises as the Chelyabinsk Tractor Plant, the Magnitogorsk Metallurgical Combine, the Ural Machine-Building Plant, the Berezniki Chemical Combine, etc., was not only supposed to bring the Soviet economy to a new level, but also to form a new Soviet man. While the political and economic aspects of Soviet industrialization have been well studied, there are very few works that analyze the cultural landscape of the socialist cities.

The comprehension of the symbolic transformation of the landscape of the Ural cities stems from an analysis of Konstantin Bugrov's book "The Socialist Cities of the Greater Urals", in which, based on an analysis of a wide range of publicist and illustrative materials (newspapers, magazines, brochures), and the study of the architectural heritage of Ural industrial cities (Krasnouralsk, Nizhny Tagil, Lysva, Berezniki and many others), the author reconstructs in detail the formation of spatial mythology and demonstrates its determining influence on the formation of key concepts of Ural identity. The creation of socialist cities in the Urals took place in two ways. On the one hand there were towns with their own history and tradition. They had to be rebuilt into new spaces of socialism. But both variants had to lead to the same result - the Ural cities had to be outposts of socialism. The Urals were not only supposed to produce tractors, metal, machine tools, etc, they were also supposed to produce a new Soviet subject.

The most important source for understanding how the cultural landscape of the socialist cities was created is the press. In his book about Magnitogorsk, Stephen Kotkin shows how construction workers learned to "speak Bolshevik" and through the appropriation of authoritative discourse formed their Soviet subjectivity, but an analysis of the Soviet newspapers of the 1930s shows how this discourse was formed and transformed not only the individual, but also space.

To analyze space, we propose a scheme, which can be represented as a triangle, where the tops would be nature, environment (sociocultural landscape) and identity. Initially, there are objective natural characteristics, such as the availability of natural resources, which turn out to be actors in the development of human societies. Thus, the industrialisation of Ural cities was linked both to the abundance of natural resources and to the geographical location of the Urals.

Keywords: Urals, cities, industrialisation, Stalinism, spaces

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 «Human and the changing Space of Ural and Siberia».

For citation: Fokin, A.A. (2022) Outposts of socialism: the cultural landscape of Ural towns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 92–96. doi: 10.17223/19988613/78/12

«Урал – опорный край державы», – эта фраза, основанная на произведении Александра Твардовского «За далью – даль», на сегодняшний день является главным выражением уральской идентичности. Неслучайно ее можно увидеть на стелах, обложках книг, сувенирных магнитах и пр. С самого начала освоения Россией уральских территорий связка завод–город становится центральной для формирования региона. Многие города Урала ведут свое летоисчисление с момента основания промышленных предприятий. Исследователи даже говорят о том, что в имперский период истории России сложилась особая горнозаводская цивилизация со своим социально-экономическим укладом.

Академический аспект региональной специфики модернизации в XVIII–XIX вв. активно развивают ученые из Института истории и археологии УрО РАН [1, 2], а своеобразным певцом и популяризатором этой идеи стал известный пермский писатель Алексей Иванов [3]. Но современный облик Уралу, конечно, придали сталинская индустриализация и эвакуация предприятий в годы Великой Отечественной войны, которая еще больше усилила промышленную составляющую региона, при этом из-за боев на территории УССР Донецко-Криворожский бассейн, бывший промышленным лидером и конкурентом Урала, оказался отброшен назад. Таким образом, современный облик Урала был определен именно в 1930–1940-е гг. Показательно, что современный Уральский федеральный округ в значительной степени совпадает с территорией Уральской области, созданной в 1923 г.

Важно отметить, что преобразование уральского пространства в годы индустриализации происходило в двух темпоральностях. С одной стороны, были города, имевшие свою историю и традиции, их необходимо было перестроить в новые пространства социализма. С другой стороны, случалось, что города создавались «с чистого листа». Самый известный пример, конечно, Магнитогорск, который превратился в один из символов сталинской индустриализации. Магнитка стала именем нарицательным, а Стивен Коткин на примере строительства Магнитогорского металлургического комбината постарался описать особенности советской «цивилизации» [4]. Но оба варианта должны были привести к одному итогу: уральские города должны были быть форпостами социализма. Урал не только должен был выпускать тракторы, металл, станки и т.д., он должен был производить и нового советского субъекта.

Хотя работ по истории советской градостроительной политики немало (можно перечислить лишь небольшую часть [5–7]), они в основном сосредоточиваются или на вопросах планирования со стороны партийно-государственных структур, или на архитектурно-строительных аспектах. При этом символический аспект формирования советских городов Урала долгое время оставался нераскрытым. Поэтому выход книги Константина Бугрова про социалистические города Урала [8] должен был восполнить этот пробел. К сожалению, тематика культурного ландшафта (Cultural landscape) в отечественной историографии только начинает развиваться, и масштабной дискуссии вокруг этой книги не произошло. Поэтому, отталкиваясь от моно-

графического исследования К. Бугрова, можно обсудить перспективы такого подхода к анализу городских пространств. Сразу следует сказать о важной особенности книги, которая в значительной мере является одновременно и ее достоинством, и недостатком. В центре исследования К. Бугрова – анализ многочисленных газет, выходивших в уральских городах, который подкрепляется обращением к исследовательской литературе, в том числе и краеведческой, которую часто упускают из виду. Ссылок на архивные документы в книге Константина Дмитриевича вы не найдете, и это может насторожить человека, привыкшего воспринимать работу в архиве как основу ремесла историка. Конечно, анализ местных и центральных архивных коллекций позволил бы найти интересные сюжеты из жизни городов 1930-х гг., которые могли бы усилить аргументацию автора. Но К. Бугров показывает нам, с одной стороны, свою исследовательскую настойчивость, ибо обработка газет, большинство из которых не оцифровано, требует большого количества времени и сил. С другой стороны, именно газеты позволяют автору реконструировать *Zeitgeist* больших строек 1930-х гг., понять, каким образом создавался Урал не как географическая категория, а как часть советского культурного ландшафта. Если Стивен Коткин в своей книге о Магнитогорске выявляет, как строители учились «говорить по-большевистски» и через усвоение авторитетного дискурса формировали свою советскую субъектность, то Константин Бугров работает с тем, как этот дискурс формировался и преображал не только человека, но и пространство.

Книга «Соцгорода Большого Урала» состоит из пяти глав: Урал; Заводы; Соцгород; Мифология; Форпосты социализма. Первая глава книги описывает образы дореволюционного Урала. Опираясь на художественную литературу и публицистику тех лет, автор показывает, что до 1920-х гг. образ Урала был двояким, он был одновременно и «кладовой богатств», и «глубокой провинцией». Представители местного областничества отмечали, что другие страны, имея территорию с такими ресурсами, превратили бы ее в процветающее место, в то время как Урал в составе Российской империи прозябал. Формирование специфической уральской идентичности в общественной мысли XIX – начала XX в. рассматривается автором как процесс взаимодействия двух внутренне противоречивых риторических систем. Демократическая беллетристика второй половины XIX в. определяла Урал как локальный вариант общероссийской провинции, царство косности и страданий. Параллельно с этим уральские авторы закладывали фундамент для осмысления региональной специфики в ее историческом, географическом и урбанистическом (как особый тип города-завода) аспектах [Там же. С. 61].

Вторая глава показывает, как после завершения Гражданской войны советская власть начинает размышлять не столько о восстановлении уральской промышленности, сколько о ее преобразовании. Опираясь на дореволюционную идею «кладовой богатств», большевики начинают искать способы открыть эту кладовую и воспользоваться спрятанными сокровищами для

строительства социализма. К. Бугров показывает не только формирование идеологии индустриализации, но и то, как внутри большевистского руководства шла борьба за управление индустриализацией, как разные акторы этого процесса стремились утвердить собственное понимание борьбы с отсталостью. Интересным сюжетом является борьба украинских и уральских экономистов вокруг создания Урало-Кузбасса. Украинцы, отстаивая интересы Донбасса, говорили, что развитие уральской промышленности является промышленным мифотворчеством, и, следовательно, средства надо направлять на Донбасс, который является более передовой территорией. Этот и другие сюжеты показывают, что индустриализация 1930-х гг. не была целостным и монолитным процессом и что внутри советской системы не было единства. Еще одним важным сюжетом является история формирования новой уральской географии. В книге показано, что своеобразными вехами в складывании новой географии Урала можно считать серию выступлений регионального уральского вождя Ивана Кабакова. Именно в его выступлениях новая география была озвучена с той весомостью, которая и превратила ее в новую норму. Географическая панорама была поистине ошеломляющей: «Партийная организация, рабочие и колхозники Урала добились крупнейших достижений на громаднейшем пространстве от Вишеры до Магнитогорска. На Оби, за полярным кругом, на юге, на востоке и западе – всюду создались предприятия самых разнообразных отраслей промышленности... Из великого седого кустаря, из края с отсталой, кустарной промышленностью Урал превратился в один из мощных, передовых промышленных центров Советского Союза» [8. С. 91]. Таким образом, автор отчетливо показывает, как переплетаются идеология и география. К концу первой пятилетки уральская социально-экономическая география свелась в первую очередь к «счастливицам», форпостам социализма на «седом Урале». Среди них четко выделяется группа гигантов. Это им – колоссальным ЧТЗ, Березниковскому химическому, Уралмашу, Магнитке и др. – предстоит победить дикость, патриархальщину, идиотизм и отсталость.

Третья глава описывает возникновение соцгородов как важнейшего элемента создания новой промышленности на Урале. По мысли идеологов советского урбанизма, соцгорода должны были отменить старые города. Урбанистическая география соцгорода определялась совокупностью трех факторов: поселок при заводе, стирание граней между центром и периферией, презентационный характер крупной застройки. Вместо системы рабочих городков ведомственной принадлежности теперь предполагалось создавать единый город, спланированный по образу и подобию новой Москвы, строящейся под руководством Кагановича. Грамотное планирование, включающее иерархию городских пространств, теперь стало считаться важнейшим признаком, отличающим новые советские города от старых. Создание соцгородов требовало формирования новой инфраструктуры, на базе которой должна была возникнуть и новая культурность. Соцгород должен был стать своеобразной алхимической ретортой, в которой

с человеком происходят процессы преобразования. При этом К. Бугров выявляет своеобразный парадокс советского урбанизма. Коммунально-бытовой комплекс, бывший одним из главных слагаемых большевистской концепции урбанизма, оборачивался для рядовых горожан неожиданной нагрузкой: новая культурность возлагала на горожанина массу забот, связанных с обслуживанием того коммунального комплекса, который, по идее, сам должен был обслуживать жителей соцгорода [Там же. С. 199].

Четвертая глава посвящена анализу мифологии, возникавшей в преобразующихся уральских городах. Зачастую символический аспект индустриализации оказывается в тени анализа политических и экономических оснований, которые должны показать «как было на самом деле». Но без раскрытия идеологических и мифологических конструктов невозможно понять, как происходили масштабные преобразования 1930-х гг. К. Бугров выделяет шесть элементов мифологии уральских городов: герои, злодеи, вожди, даты и празднества, мировая революция и ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия). Таким образом, социалистические города превращались в арену эпической борьбы подобно гомеровским эпосам. Герои в лице ударников, рабкоров, ИТР под чутким и мудрым руководством вождей боролись с врагами: вредителями, рыхлителями, бюрократами и т.д. Важным аспектом этой борьбы становится топография. Использование имен вождей для присвоения новых названий самым разным объектам – от городов и заводов до отдельных цехов и транспортных колонн – оказалось одним из инструментов мобилизации массы строителей социализма. Именно организационные нужды грандиозного строительства первых пятилеток объясняют беспрецедентную динамику переименований. Появление бесчисленных объектов имени Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова и прочих вождей на карте страны было вызвано не столько мегаломанией советских руководителей, сколько попытками властных органов на местах подстегнуть трудовой энтузиазм своих коллективов [Там же. С. 249]. Автор отмечает, что, хотя мифология соцгорода уходила в прошлое по мере завершения строительного натиска первых пятилеток, до наших дней дошло богатое архитектурное наследие этого времени – градостроительные комплексы, возведенные между 1928 и 1936 гг. Об этой архитектуре принято говорить как о конструктивистской, но в действительности единство подобного массива зданий задается не только стилистическим сходством, но и их принадлежностью к советской мифологии. Жилые массивы «1-го квартала» в Магнитогорске или Вагонки в Нижнем Тагиле ничего не скажут наблюдателю, не знающему о мифологии пятилетки и по этой причине не способному отличить их от массовой застройки 1970-х гг. Полагаем, принадлежность этого градостроительного наследия к единому культурному дискурсу эры индустриализации не менее важна, чем его принадлежность к авангардному методу и стилю конструктивизма.

Пятая глава состоит из очерков, призванных описать основные «форпосты социализма» на Урале:

Наеждинск, Лысьву, Красноуральск, Березники, Соликамск, Молотов, Нижний Тагил, Калату, Свердловск, Первоуральск, Каменск-Уральский, Челябинск, Златоуст, Сатку, Бакал, Магнитогорск. Через набор кейсов К. Бугров показывает, как в конкретном городском пространстве, в котором функционировал дискурс о соцгороде и которое само его творило, новостройки (например, жилые дома ЧТЗ или цеха Уралмаша) превращались в культурные символы. Представляется необходимым отметить важную мысль, озвученную автором в финале книги: «Культура соцгорода, порожденная идеологией и мифологией первых пятилеток, может изучаться не только как часть предыстории сегодняшней России, но и как самостоятельный исторический феномен, обладающий – подобно древним цивилизациям – колоссальной спецификой, интересный именно своей уникальностью. Пятиэтажка на углу или старое здание клуба кажутся совершенно обыденными, но эта будничность таит загадку: шагая по старым соцгородам Вагонки, Уралмаша или ЧТЗ, мы в действительности шагаем по городам цивилизации, которая была и ушла и которую с каждым уходящим годом будет все сложнее понимать» [8. С. 382]. Такая постановка вопроса важна не только для академических дискуссий – можем ли мы видеть советский вариант горнозаводской цивилизации или нет, но и для современного общества, которому необходимо определиться с тем, как интегрировать остатки советской цивилизации в современные городские пространства.

В финале своего текста я бы хотел обратить внимание на то, как работа Константина Бугрова может быть вписана в дискуссию о пространственном повороте

(Spatial turn) в истории. Для анализа пространства я предлагаю следующую схему, которую можно представить в виде треугольника, где вершинами будут природа, окружающая среда (социокультурный ландшафт) и идентичность. На примере уральских городов можно хорошо увидеть соединение трех аспектов пространства. На первом уровне существуют объективные (природные) условия, которые не зависят от воли и желания человека. Так, в силу определенных геологических процессов в Южно-Уральских степях сформировалась гора с высоким содержанием железной руды. Развитие технологий приводит к тому, что гора становится источником ценного ресурса. Затем, в 1920-х гг., принимается решение о масштабной стройке, которая оказывается привязанной к источнику ресурса. Строительство кардинальным образом преобразует окружающее пространство, причем не только за счет создания масштабной инфраструктуры, но и за счет культурного переосмысления территории. Журналисты, писатели, фотографы и прочие создают образ социалистической стройки, который тиражируется и расходуется; таким образом, физическое пространство превращается в социокультурное. Когда же гора Магнитная становится Магниткой – форпостом социализма, то это уже становится базой для формирования локальной идентичности и привязанности к месту (Place attachment). При этом строители Магнитки превращаются в культурных героев, и они сами начинают воспроизводить идеологию, привязанную к определенной территории. Таким образом, все три вершины треугольника оказываются связанными между собой, формируя устойчивую аналитическую модель.

Список источников

1. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2011. 384 с.
2. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург : АсПУр, 2014. 172 с.
3. Иванов А.В. Горнозаводская цивилизация. М. : АСТ, 2014. 283 с.
4. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995. 728 p.
5. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2008. 374 с.
6. Меерович М.Г. Градостроительная политика СССР, 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 347 с.
7. Конышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток : документы и материалы. М. : БуксМАрт, 2017. 360 с.
8. Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

References

1. Alekseev, V.V. (ed.) (2011) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoy aspekt* [Civilizational Uniqueness of Russian Modernizations of the 18th – 20th Centuries: The Spatial and Temporal Aspect]. Yekaterinburg: UB RAS.
2. Poberezhnikov, I.V. (ed.) (2014) *Ural v kontekste rossiyskoy tsivilizatsii: teoretiko-metodologicheskaya kontseptualizatsiya* [Ural in the Context of Russian Civilization: Theoretical and Methodological Conceptualization]. Yekaterinburg: AsPUr.
3. Ivanov, A.V. (2014) *Gornozavodskaya tsivilizatsiya* [Mining Civilization]. Moscow: AST.
4. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. University of California Press.
5. Konysheva, E.V. (2008) *Gorod v zerkale genplana: panorama gradostroitel'nykh projektov v rossiyskoy provintsii XVIII – nachala XXI vekov* [The city in the mirror of the general plan: a panorama of urban planning projects in the Russian provinces of the 18th – early 21st centuries]. Chelyabinsk: ChSPU.
6. Meerovich, M.G. (2017) *Gradostroitel'naya politika SSSR, 1917–1929: ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban Policy of the USSR, 1917–1929: From Garden City to the Departmental Worker Village]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Konysheva, E.V. (2017) *Evropeyskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok: dokumenty i materialy* [European architects in Soviet urban planning in the first five-year plans. Documents and materials]. Moscow: BuksMArt.
8. Bugrov, K.D. (2018) *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Socialist Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg: Ural State University.

Сведения об авторе:

Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fokin Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Head of the Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 17.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; принята к публикации 05.07.2022